
ОТЕЦ АЛЕКСЕЙ МЕЧЕВ

I

Иностранцы мало знают и почти не понимают внутреннюю жизнь Русской Церкви, и потому интерес их обычно направлен на внешние случаи и законодательство. Между тем даже большие события такого порядка проходят мимо самой души церковной, отчасти вообще по чуждости ей внешних форм. Реформы, и хорошие и плохие, лежат вне поля зрения церковного народа, и о них когда заговаривают, то по мотивам не духовным, а скорее политическим. Русская же Церковь и весь церковный народ всегда имеет в виду не реформы, а преобразование и одухотворение личности и жизни. Вот почему нащупать пульс жизни в отношении Русской Церкви может лишь тот, кто ближе подходит к ее деятелям, в которых церковное сознание признало особенно жизненные и одухотворенные свои органы.

Для русской церковной истории XX века, и в особенности времени революции, одним из таких органов был настоятель церкви Св. Николая на Маросейке в Москве отец Алексей Мечев. Несмотря на незначительность этой церкви, затерявшейся в деловой и шумной части города, Маросейская Община имела громадное значение среди верующих не только Москвы, но и значительно за ее пределами, по всей России; можно даже утверждать, что ее значение относилось отчасти и к неверующим. Пока еще не пришло время учесть влияние отца Алексея и написать подробную биографию этого замечательного человека. Но несколько страниц о нем должны быть интересны друзьям духовной России.

II

О. Алексей Мечев родился 17 марта 1859 года в Москве. Следует отметить связь его с Московским Митро-

политом Филаретом, от которого вообще берет начало большинство светлых явлений русской церковной жизни XIX и XX веков^{1*} Отец Алексея Мечева — Алексей Иванович в детском возрасте состоял певчим в знаменитом Чудовском хоре. Один случай, когда ребенок чуть не погиб от мороза и был спасен митрополитом Филаретом, сблизил их, и мальчик сделался воспитанником Митрополита, бывшего духовным руководителем России более полувека. Он сделал его потом регентом того же хора, в расцвете его славы. Митрополит неустанно следил за жизнью семьи Мечевых и не раз показал свою прозорливость в отношении Алексея, будущего деятеля, а тогда — мальчика. Благоговение и любовь к Филарету наполняли последнего с детства, и всегда он указывал на него, как на величайший пример пастырства; от него же о. Алексей Мечев воспринял самопожертвование и до безжалостности к себе требовательное отношение к своему пастырскому долгу.

Учился о. Алексей сперва в Заиконоспасском Училище, а затем — в Московской Духовной Семинарии. Он предполагал потом сделаться врачом, но из послушания матери поступил в псаломщики в церковь Знамения на Знаменку. Тут ему пришлось много потерпеть от грубого настоятеля этой церкви, который всячески третировал своего псаломщика, оскорблял и даже бил. «Бывало придешь к нему, — рассказывал брат о. Алексея, — а он лежит на диване и плачет». Однако о. Алексей сносил все с терпением и впоследствии благодарил Господа, что Он дал ему пройти такую школу; а своего настоятеля, о. Георгия, он даже вспоминал, как учителя, с большою любовью.

В 1884 г. Алексей Мечев женился, а 19 марта 1893 г. был рукоположен к одной из самых маленьких церквей в Москве, Св. Николая на Маросейке. Бедный приход, маленькая пустая церковь, развалившийся гнилой церковный дом, построенный над ямою, куда стекалась вода со всего двора. Вот что ждало его в его новом приходе. К этому еще прибавилась весьма серьезная хроническая болезнь его горячо им любимой жены. Новому настоятелю приходилось ухаживать за годами лежавшей неподвижно женой, заботиться о детях и вместе с тем создать жизнь прихода, который существовал только юридически. Его меры в этом направлении были встречены насмешками соседних священников и недоброжелательством младших членов причта. Нужна была большая вера в свое дело и большая преданность своему долгу, чтобы

ежедневно совершать богослужение, которого от него никто не требовал, и притом возможно тщательно и согласно уставу. «Восемь лет я служил каждый день Литургию при пустом храме», — рассказывал впоследствии отец Алексей и с грустью прибавлял: «Один протоиерей говорил мне: «Как ни пройду мимо твоего храма, всё у тебя звонят. Заходил я к тебе — пусто. Ничего не выйдет у тебя, понапрасну звонишь»». А о. Алексей продолжал служить непоколебимо, — и пошел народ.

Параллельно церковной службе о. Алексей в этот период своей жизни ведет работу в Обществе Народного Чтения, читает по тюрьмам, по столовым. Он открывает в своей квартире церковную школу для беднейших детей своего прихода.

III

После семи лет упорной работы он считал уже себя чего-то достигшим. Но испытал тут благодетельный толчок, после которого увидел, по его выражению, «свое полное убожество». Этот толчок был дан ему отцом Иоанном Кронштадтским, с которым о. Алексею довелось служить Литургию. Если Филарет олицетворяет собою в церковной жизни России начало мудрой организации, с не меньшим правом русский народ привык считать о. Иоанна Кронштадтского типичным представителем начала харизматического, т. е. пророчества и вдохновения^{2*} Для о. Алексея оказалось определяющим это перекрестное и одинаково сильное влияние двух начал духовности, друг на друга не сводимых, но равно потребных здоровой жизни Церкви.

Вместе с пробудившимся сознанием у о. Алексея возрастали и жизненные трудности: болезнь жены все развивалась, средств не хватало на пропитание и лечение, обременительные долги — при мучительном сознании, что церковный дом есть источник гибели для всей семьи; к этому присоединилось крайне черствое и безучастное отношение всего духовного начальства, включая сюда и главу Московской Митрополии — Владимира^{3*} Наконец, 29 августа 1902 г. умирает жена о. Алексея, и в страшном горе, близком к отчаянию, о. Алексей бросается за помощью к тому, в ком видел дерзновение и истинную молитву — к Иоанну Кронштадтскому. «Ты жалуешься и думаешь, что больше твоего горя нет на свете, так оно тебе тяжело. А ты будь с народом, войди в его

горе, чужое горе **возьми на себя** — и тогда увидишь, что твое горе маленькое и легкое по сравнению с тем горем; тебе и легко станет». Так ответил ему Кронштадтский пастырь.

Этот совет есть ключ к пониманию деятельности о. Алексея: о. Алексей весь уходит с этого времени в чужое горе и в чужое страдание. Он растворяет свое горе в общей скорби. Он навсегда отказывается от своей личной жизни; «Пастырь должен разгружать чужую скорбь и горе», — многократно и упорно учил он впоследствии, опираясь на опыт своей жизни. Он теперь никогда не остается один, с утра до вечера отдавая себя приходящим. Свою врожденную нежность к семье и к детям он распространяет на всех, кто бы ни пришел к нему; и правильно говорилось о нем, что он для них не только пастырь и даже не только отец, но и заботливая мать. Он всячески помогает приходящим; но его прямое дело — это **молитва**, на которую указал ему о. Иоанн. Те, кто приходит к нему, чувствуют себя облегченными и обрадованными, несмотря на глубокое горе. Это потому, что о. Алексей таинственным актом молитвы перенес на себя их горе, а им — передал свою благодать и радость. Но за то в его нежном сердце это горе острее и мучительнее: проходят не только месяцы, но и годы, а он не может вспомнить прискорбного случая каких-то чужих и впервые им увиденных людей, к тому же уже давно исчерпанного, без слез, буквально обливаясь слезами и стена, как от сильной физической боли.

Пустая церковь переполняется богомольцами. С раннего утра до поздней ночи толпится вокруг дома, где живет о. Алексей, народ, — на лестнице, во дворе. В приемные дни люди приходят ночевать у ворот, чтобы наверняка попасть к о. Алексею. Среди простых людей, по преимуществу женщин, все более и более появляется интеллигенции: профессора, врачи, учителя, писатели, инженеры, художники, всевозможные артисты. Среди православных — инославные: армяне, лютеране, магометане, даже евреи. Среди верующих — попадаются и неверующие. Одни приходят в глубокой тоске, не находя себе места, терзаясь бесчисленными преступлениями; другие — из любопытства, желая просто «посмотреть» на знаменитого деятеля; третьи приходят врагами, чтобы изобличить или задеть, с вызовом, иногда в порыве ненависти, сами не зная, что они намерены предпринять; бывали и такие, которые приходили, как потом признавались, с целью убить о. Алексея. Но со всеми

устанавливаются в этой крохотной комнатке свои особые, вполне индивидуальные отношения. О. Алексей не спрашивал проходящего: «Как ты веруешь?», а спрашивал: «Чем ты страдаешь и как живешь?» — и старался соприкоснуть его с духовным миром в той мере и в том виде, в каких это было собеседнику доступно. Но каждый что-то получал от него. Любопытствующие уходили пристыженные и пораженные, враги — располагались признанием. Многие из приходивших навсегда связывали с ним свою духовную жизнь. Как много было людей, попавших к о. Алексею или хотя бы в храм его один раз и навсегда удержавшихся в сфере его притяжения.

Так именно составилаь Маросейская Община, по разнообразию своему могущая быть сравненной с Россией в малом виде: тут все сословия, состояния, возрасты, профессии, степени развития, национальности. Тут каждый удерживается вполне добровольно и вполне добровольно несет свои труды и жертвы на пользу Общины. Тут нет никакой юридической связи, учреждений, нет даже правил, как нет и формальной принадлежности к Общине. И тем не менее она есть очень тесно сплоченное целое.

IV

В о. Алексее не было ничего теоретического, надуманного. Он не любил рассуждать о молитве: «Бог дал мне твердую детскую веру», — нередко говорил он. А когда слышал и примечал у кого-нибудь нечто отвлеченно придуманное, в мысли ли или в религии, сочинении, разговоре, он возвращал к более истинному и действительному — словами: «Я неграмотный». Смеясь, замечал он на умствования: «А я — неграмотный, не понимаю». Но на самом деле у него был светлый и пронизательный ум, и не без основания к нему приходили не только по делам нравственным и житейским; с ним советовались и делились планами своих работ представители самых разных отраслей культуры, и уходили от него удовлетворенными.

Приходящий к нему сталкивался прежде всего с подлинной силой, основанной на опыте и опытным познании себя и других. К этому опытному христианству он и призывал всех. «Христианство есть прежде всего жизнь, и это мы превратили его только в одно учение», — говаривал о. Алексей. «Вне опыта нет жизни».

Это-то вот начало опытного богопознания протягивало от о. Алексея нити в третье слагающее русской церковной жизни — в монастырь. О. Алексей был прочно связан с рассадником русского старчества, Оптиной Пустынью, которую иностранцы отчасти могут себе представить по ее описанию (не вполне точному) в «Братьях Карамазовых» Достоевского.

Настоятеля Оптинского скита игумена Феодосия († 1920 г.)^{4*} о. Алексей горячо любил и был обоюдно глубоко почитаем этим старцем. Как-то этот последний приехал в Москву, посетил храм о. Алексея, видел уставность службы, вереницы исповедников, прием народа, внимание о. Алексея к каждому в отдельности — и сказал о. Алексею: «Да на все это дело, которое Вы делаете один, у нас бы в Оптиной несколько человек понадобилось. Одному — это сверх сил. Господь Вам помогает».

Еще более глубокая, неразрывная связь была у о. Алексея с Оптинским старцем Анатолием. Оба они виделись в жизни только однажды, но между ними было всегда внутреннее сообщение, которое близкие называли «беспроволочным телеграфом». «Мы с ним одного духа», многократно говаривал он об о. Анатолии. И потому у них было полное взаимное доверие и передача друг другу духовных детей. Другой Оптинский старец, о. Нектарий^{5*}, однажды сказал одному из посетителей: «Зачем вы едете к нам? У вас есть о. Алексей». Действительно, Маросейская Община была по духовному своему смыслу дочерью Оптинской Пустыни: тут жизнь строилась на духовном опыте. О. Алексей учил своею жизнью, и все вокруг него жило, каждый по-своему и по мере сил участвовал в росте духовной жизни всей общины. Поэтому, хотя Община и не располагала собственной больницей, однако многочисленные профессора, врачи, фельдшерицы и сестры милосердия — духовные дети о. Алексея — обслуживали больных, обращавшихся к о. Алексею за помощью. Хотя не было своей школы, но ряд профессоров, писателей, педагогов, студентов, также духовных детей о. Алексея, приходили своими знаниями и своими связями на помощь тем, кому оказывалась она потребной. Хотя и не было при Общине своего организованного приюта, тем не менее нуждающихся или обращавшихся за помощью одевали, обували, кормили. Члены Маросейской Общины, проникая во все отрасли жизни, всюду своею работою помогали о. Алексею в деле «разгрузки» страждущих. Тут не было никакой внешней организации, но это не мешало быть всем объединенными единым духом.

Среди многих обездоленных в русской жизни со вчерашнего дня имеется разряд, заслуживающий особенного внимания. Это именно — учащаяся молодежь. Правда, с нею носились и возбуждали ее самомнение; но правильного воспитания и духовного руководства она была лишена по крайней мере целое столетие, качаясь между равно искажающими духовную жизнь формальными уроками Закона Божия средней школы и либеральным антирелигиозным скепсисом — высшей. Весь строй русской интеллигенции был таков, что здоровое религиозное воспитание русской молодежи сделалось недоступным. На эту-то сторону обратил особенное внимание о. Алексей. Он любил молодежь и рассчитывал в будущем на неё. Приводил ее к Богу, не через книги, но через богослужение, к которому привлекал молодежь, и через опыт духовной жизни вообще. Он учил их прежде всего не тому, как надо мыслить, а тому, как надо жить. Он старался укрепить в них волю и чувство долга, считая одну из характерных черт русского народа, — безволие — величайшим грехом. К о. Алексею ходили студенты со своими скорбями, сомнениями, несчастиями. Около него плотно осели члены Христианского студенческого союза^{6*} Насколько ценили они общение с ним, можно судить по многим часам, которые они простаивали и просиживали на лестнице, ожидая своей очереди. Они вовлекались в общий круговорот общинской жизни, ревностно посещали богослужение, активно участвуя в нем, сообразно своим способностям. Они образовывали кружки, изучавшие совместно духовные вопросы и крепко объединявшиеся чувством братства, нравственной поддержкой и взаимной помощью. Они помогали Общине во всех сторонах ее жизни. И до сих пор эта молодежь объединена именем о. Алексея и, можно быть уверенным, памятью о нем не раз будет направляться в жизни в лучшую сторону.

1924. VI. 14—15 ст. ст.
Сергиев Посад

Священник П. Флоренский